

На правах рукописи

Смирнова Юлия Дмитриевна

**УТОПИЯ КАК ФОРМА ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА СОЦИАЛЬНОМУ БЫТИЮ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Казань - 2014

Работа выполнена на кафедре общей философии философского факультета
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель

кандидат философских наук, доцент
Серебряков Фаниль Фагимович

Официальные оппоненты

доктор философских наук, профессор
ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики
Башкортостан» **Фролова Ирина
Васильевна**

кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Казанский
государственный архитектурно-
строительный университет»
Порошенко Ольга Юрьевна

Ведущая организация

**ФГБОУ ВПО «Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева-КАИ»**

Защита состоится 29 декабря 2014 года в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском (Приволжском)
федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18,
корп. 2. ауд. 1607

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И.
Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета.
Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки
Российской Федерации (<http://vak2.ed.gov.ru/>) и Казанского (Приволжского)
федерального университета (<http://kpfu.ru/>).

Автореферат разослан

«___» ноября 2014 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Проблема утопии в самых разных отношениях, в том числе как явление общественного сознания и как литературный жанр, вызывала интерес и неоднократно становилась предметом пристального внимания, иногда заметно обострённого, у очень непохожих, по характеру и писательскому (исследовательскому) амплуа, авторов. Естественно, этот интерес имел своим органичным результатом появление значительного количества работ, в которых нашли выражение столь же разнообразные пути рассмотрения проблемы. Однако не будет преувеличением сказать, что (несмотря на это) она до сих пор остаётся не только научно-интересной, содержащей в себе возможность иных, неразработанных или малоисследованных, подходов, но и актуальной.

Следует отметить, что анализ самого феномена утопии и метаморфоз её постоянного «всплытия» в человеческом сознании даже в эпохи, подобные современной, столь отдалённые от времён (патриархальных и полупатриархальных), в которых она «там», в сознании, как кажется, была «у себя дома», была уместна - этот анализ не потерял актуальности именно потому, что в утопии зафиксирован универсальный, архетипический идеал человеческого бытия. А может ли быть для человека, с тех самых пор, как он всё же стал осознавать себя человеком, что-нибудь более органичного и понятного, чем стремление к идеалу.

Большинство авторов, занимающихся проблемой утопии, относят ее к негативным элементам культуры, указывая на неосуществимость её и фантазийность, уводящую человека от реальности в мир мечтаний. Однако это не единственно возможное истолкование общественного значения утопии.

Мы считаем, что содержание утопии, идеалы, которые она «предлагает» человеку, могут стать тем самым искомым жизненным ориентиром, вселяющим надежду на общественный оптимизм, который современный человек в силу ряда причин отчаивается найти.

При попытке создать социально-философскую картину современного мира, бросается в глаза то, что в сегодняшнем мире размываются границы социального пространства: и нет уже понятий «здесь» и «там», будто кто-то стер линию горизонта. Современный человек существует в фантастическом пространственно-временном континууме - может находиться одновременно в разных местах, задает собственные пространственно-временные рамки, накладывая их поверх уже существующих, сочетает несколько хронопотов.

Время и пространство сжимаются и растягиваются, искривляются и преломляются. Но это приводит к тому, что человек, по видимости, утрачивает всё более и более привычные жизненные ориентиры и социальные привязанности. Поскольку причина этих трансформаций лежит в особенностях взаимоотношений человека и общества, то, выявив существующий в этих отношениях сбой, можно будет говорить и о путях и формах его преодоления.

Содержащиеся в текстах утопий представления об идеале и «совершенном устройстве» способны стать маяком, чей свет необходим заблудившимся в океане социального. О. Уайльд говорил, что нет смысла в карте, на которой нет места для утопии; на берега этой страны «всегда высаживалось человечество», чтобы, осмотревшись, найти новое место обитания.

Объектом диссертационного исследования выступает феномен утопии. **Предметом** - утопия как пространство потенциального бытийствования действительности человека, как идеальная (данная в сознании) форма ее возвращения социальному бытию.

Основной *целью* исследования является обоснование статуса утопии как формы возвращения действительности человека социальному бытию. В связи с этим мы сформулировали следующие *задачи*:

- ✓ воспроизвести на основе анализа источников парадигму социальной утопии как таковой с целью обоснования общих характеристик утопических произведений всех жанров;
- ✓ обосновать эвристический статус и содержание концепта «действительность человека»;
- ✓ диагностировать социальную ситуацию («обесчеловечивание» социального бытия) как вызывающую «тоску» по действительности человека и являющуюся предпосылкой формирования утопического сознания;
- ✓ показать, в каком смысле утопия является преодолением «обесчеловеченного» наличного социального бытия и возвращением социальному бытию действительности человека.

Теоретико-методологическая основа исследования

В исследовании использованы методы: историзма – применяется при рассмотрении (в контексте темы диссертационной работы) вопроса о реальном историческом процессе и его влиянии на человека, а также - при анализе вопроса о формировании содержания понятия утопии и его изменении во времени; сравнительно-исторический метод – используется для сопоставления «социального» в разные исторические эпохи; метод генерализации, к которому мы прибегаем при обобщении признаков утопии

как таковой, при представлении в исследовании «парадигмы утопии», т.к. рассматриваем утопию в целом (как явление), а не каждую, известную в истории, разновидность (форму) утопии; герменевтический метод – при истолковании и уточнении основных понятий, используемых нами для обоснования возвращения действительности человека социальному бытию, но относительно содержания которых (в частности, таких, как социальное человеческое, утопия) в литературе нет единомыслия. Также в исследовании используется в качестве методологического средства «парадигма М. М. Бахтина», предложенная Л. Бляхером¹.

Степень научной разработанности темы

Утопия (и как общественный феномен, и как жанр социальной и художественной литературы) всегда была темой для дискуссий, предметом споров и критики.

Проблема утопии хорошо изучена как отечественными, так и зарубежными исследователями. Объемные труды по истории утопии написаны В. Г. Волгиным, А. Свентоховским, А. Святловским, К. Кумаром. Истории античной утопической мысли посвящены книги Р. Пельмана, В. А. Гуторова, Э. Д. Фролова. Проблемой утопии в Древнем Риме занимается Ю. Г. Чернышов. Утопический социализм исследуется в работах Н. С. Застенекера, В. П. Волгина, А. И. Володина. Важное место в рассматриваемой проблематике занимают труды, в которых их авторами рассматривается взаимовлияние утопии и революции (М. Ласки), утопии и идеологии (К. Мангейм), утопии и социального моделирования (К. Поппер), утопии и традиции (Е. Шацкий), утопии и мифа (Ж. Сорель). Вопросы типологии утопии исследуются Э. Я. Баталовым, Ф. Е. и Ф. П. Мануэль, Г. Негли и Дж. Патриком, Е. Шацким, а проблема утопического идеала - Ч. С. Кирвелем, П. И. Новгородцевым, А. И. Клибановым, С. Н. Булгаковым, В. А. Лекторским. В отечественной науке исследованием различных аспектов утопии занимался также А. Фогт; М. М. Дайнеко и А. М. Ушков изучают жанровые и методологические особенности утопии; проблемой генезиса русской утопии, а также сущностью и эволюцией утопии как таковой занимается И. В. Фролова.

Проблема утопии тесно связана и перекликается с предметной областью целого ряда философских, историко-философских, исторических и культурологических дисциплин. Некоторые проблемы из этих предметных областей имеют к теме утопии особенно близкое отношение. Они также, в той или иной степени, являются предметом анализа. Так, проблема социального исследовалась в классических сочинениях К. Маркса и Ф.

¹ Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. С. 208.

Энгельса, Г. Гегеля. Вопросы генезиса и статуса социального как философской категории рассматриваются в произведениях К. Вульфа, Н. А. Терещенко, В. Е. Кемерова, В. Л. Иноземцева, К. С. Пигрова, Ф. А. Хайека и др.; теме эволюции социального посвящены работы Х. Арндта, З. Баумана, В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, П. Бурдые, Н. Лумана; изучением социального хаоса занимается Л. Бляхер, о смерти социального рассуждают Ж. Бодрийяр, Э. Лаклау и Ш. Муфф.

При обращении к различным аспектам проблематики исторического процесса, в связи с темой утопии, мы опирались на работы В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, Т. И. Ойзермана, В. Зомбарта, П. К. Гречко, Н. И Конрода, З. В. Удальцовой, Э. Г. Юдина. Духовное производство и типы личности исследуются В. И. Толстых, А. Б. Лебедевым, А. К. Уледовым, В. С. Барулиным, В. С. Степиным. О направленности исторического процесса пишут И. А. Гобозов, В. М. Межуев, М. А. Барг, Б. Л. Губман. Истории и объекту истории посвящены книги М. Блока, Ф. Р. Анкерсмита, Р. Арона, Э. Доманска, Ф. Мейнеке, А. Дж. Тойнби.

Но в процессе работы мы обратили внимание на отсутствие (или незначительную представленность) исследований, в которых развивался бы взгляд на утопию как на существующее в сознание возвращение действительности человека социальному бытию. Под действительностью человека здесь понимается осуществлённость, энтелехия (переход из возможности в действительность, осуществлённость формы) человека, максимально возможная полнота воплощённости человеческого, его «природы».

Однако именно такой подход является не только современным в силу некоторой исследовательской (теоретической) ситуации в сегодняшнем общественном знании, когда тема «возвращения человека в ...» стала актуальной. Важно также и то, что он, этот подход, представляется нам исследовательски плодотворным, что мы попытаемся обосновать в настоящей работе. Причём, сделаем это, опираясь на методологию, которая, насколько нам известно, ранее не была использована при изучении проблемы утопии - «парадигму М. М. Бахтина».

Научная новизна исследования:

1. Выявлен онтологический статус утопии как необходимой составляющей полноты бытия, проявляющийся в отсутствии ощущения заброшенности и одиночества, преодолении ностальгии (в хайдеггеровском понимании) ощущение себя «повсюду дома», в достижении со-размерности

всех элементов бытия и их гармонии.

2. Установлено, что утопия своим существованием как бы резервирует (виртуальное) пространство в реальной социальной истории для возможной в будущем реализации человеческого в социальном бытии и, таким образом, указывает на возможность существования альтернативы в самом реальном историческом процессе.

3. Обосновано, что только максимально возможный сознательный отказ от привязанности к историческому времени, в котором живёт автор утопического произведения, может позволить ему адекватно оценить современную действительность, это даёт возможность занять положение «вненаходимости»², под которым имеется в виду отсутствие таких привязанностей и возможность непредвзятого взгляда социального мыслителя.

4. Вводится концепт «действительность человека», имеющий своим содержанием энтелехию, осуществлённость и максимальное раскрытие человеческого в социальном бытии. Он позволяет связать между собой социальное, человеческое и утопию, что выражается в следующем. Социальное (бытие) есть область реализации действительности человека, но она в полной мере и в собственном смысле этого понятия не может произойти в условиях добуржуазного и капиталистического исторического развития. Поэтому создается виртуальное пространство, мысленный эксперимент, в котором подобная реализация осуществлена – это пространство и есть утопия.

5. Предлагается для более углубленной и наглядной демонстрации того, что утопия является формой возвращения действительности человека социальному бытию, ввести в наше исследование понятие, взятое из области биологии - «полный метаморфоз». Эта метафора применяется для демонстрации преобразования одной формы социального бытия (наличного) посредством утопии в другую форму, подлинное социальное бытие, то есть такое, в котором осуществлена действительность человека. Эквивалентом наличного социального бытия станет «гусеница», утопии - «куколка», обновленного социального - «бабочка». Утопия, занимающая в этом процессе промежуточное («срединное») место, в котором и происходит интеллектуальный (социальный) «метаморфоз», выступает формой, способствующей преобразованию одного социального бытия в другое.

---

² Понятие М. М. Бахтина

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Мы выдвигаем положение о роли утопии как формы возвращения действительности человека социальному бытию, состоящее в создании мыслительного эксперимента социального, в котором осуществляется искомая со-размерность социального и человеческого, создаются условия, в которых человек выступает как цель, а не средство, и тем самым человек всесторонне присваивает свою универсальную природу.

Содержание утопических произведений мы расцениваем как «выговаривание» действительности человека в форме идеалов и мечты. В этом случае возможно трактовать факт создания утопического произведения как социальное действие, в котором находит свое отражение неприятие «наличного социального бытия» и желание его изменить.

2. Человеческое является мерой социального в том смысле, что последнее выступает подлинно социальным в той мере (степени), в какой «соответствует человеческому», в какой в нём осуществляется человеческое, совпадает с человеческим, включает и "даёт простор" "человеческой природе», реализует принцип: человек не средство, а цель. Эта мера рассматривается нами применительно не только к социальной общности, но и к поступку каждого отдельного человека, так как он (поступок) также является проявлением (формой) социального.

3. Общеизвестные определения утопии как «места, которого нет» и «лучшего места» при синтезе придают утопии онтологический статус – рождается «тоска» по утерянной полноте бытия, являющаяся важнейшей предпосылкой появления утопического произведения (общественного идеала, в нём выраженного).

Утопия в этом случае выступает формой обретения «полноты человеческого» социальным бытием, даже если эта полнота существует лишь как в своём роде «коллективное бессознательное», как исторически (во времени) сложившееся в общественном сознании «ощущение» того, чем является «подлинный, настоящий» человек и жизнь, достойная человека как человека, его «природы». Это открывает новый угол зрения на проблему, а именно позволяет придать онтологический статус утопии. Иначе говоря, утопия в этом толковании приобретает бытийственную характеристику. Она есть неотъемлемая составляющая бытия.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования. Научно-практическая значимость диссертации «вытекает» из актуальности и существенного общественного «веса» её проблематики. Понимание важной роли утопии в вопросе гармонизации отношений общества и человека, характеристика утопии как пространства бытия действительности человека

позволяет по-новому решать актуальные задачи современной социальной теории: проблему «массового человека», социальной инертности человека, «смерти субъекта».

Междисциплинарный и исторический характер работы позволяет использовать ее в практике преподавания курса социальной философии, философской антропологии.

Апробация работы. Основные положения предлагаемой диссертационной работы изложены в пяти статьях, три из которых - статьи из журнала ВАК: «Утопия, утопизм, утопическое сознание – основные смыслы», «Утопия как форма осуществления действительности человека», «Античная социальная утопия как парадигма социальной утопии». Опубликованы статьи в сборниках по итогам конференций: «Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе» 2011г., «Садыковские чтения (К 80-летию со дня рождения профессора М.Б. Садыкова): История. Общество. Человек» 2012г., Международной научно-образовательной конференции «Гуманизм и современность» 2013г. Результаты диссертационной работы докладывались на Отчетных конференциях о научно-исследовательской работе философского факультета К(П)ФУ (Казань, 2013 и 2014гг.).

Структура диссертации. Диссертация имеет объем 128 страниц и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы. Основная часть состоит из трех глав, каждая из которых включает в себя два параграфа. Библиография насчитывает 201 пункт.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «Человеческое как мера социального и проблема утопии» посвящена рассмотрению важнейших смыслов понятия «социальное» и «человеческого», в аспекте рассмотрения последнего как меры социального, обнаружению пространства их гармоничного соединения, которым и становится утопия.

Социальная реальность априори антиномична: одна ее сторона – это реальное положение вещей, к которому стремится общество, а оно, как и все существующее, стремится к самосохранению; другая сторона – направленность, нацеленность на развитие, риск присутствует в самой природе социальной реальности. Эта двойственность обнаруживает себя в природе социальности – технологическая сторона ставшего и интуиция должного, между ними пространство, которое можно заполнить только созерцательно.

Так, В. Е. Кемеров выделяет четыре трактовки социальности: как внешней структуры, как коллективности, как непосредственного взаимодействия людей, как внепроизводственной сферы. При технологичности, т. е. в нашем случае, зависимость, захваченность техникой социального человека последний из «индивидуализированного субъекта» превращается в «социальную машину», концентрирующую в себе социальную энергию. Сам человек просто выпадает из сферы интересов социального, потому до «приватизации» социального дело дойти не может. В этом случае не происходит осознания происходящего, самой сущности социальности, потому невозможно говорить и о «выговаривании» социального через человека. Одним из способов возвращения человека в социальное бытие, формой осознания сущности социальности может стать утопия, понимаемая нами как мыслительный эксперимент социального, оформленный в виде литературного произведения.

Современная философская литература разделяет социальное в широком и узком смыслах. В широком смысле, социальное отождествляется с общественным и носит смысл всех процессов общества, понимаемых в их противоположности процессам в природе. В узком смысле, «социальное обозначает существование особой области общественных явлений, составляющих содержание так называемой социальной сферы жизни общества, в которой решается свой круг проблем, затрагивающий соответствующие интересы людей»³. Например, М. Вебер трактовал социальное как «эммерджентную реальность», т. к. сутью социальной жизни он считает ожидание, даже «ожидание ожидания ожидания». Каждое действие человека в обществе основывается на ожидании ответной реакции, будь то поход в театр или научная (литературная) деятельность. Взаимность подобных ожиданий создает некоторую стабильность отношений в обществе.

Серебряков Ф. Ф. и Гаврилов В. Н. трактуют социальное как модус общественных отношений, присущий им (отношениям) в некоторых состояниях. Извращенное, ложное общественное находится в состоянии еще-не или уже-не социального, оно (общественное) «не поддерживается общим потоком жизни»⁴, теряет способность производить и воспроизводить «подлинно человеческие отношения», оно теряет свою природу, свое основание. Восстановление общественным своих способностей по

---

³ URL: http://society.polbu.ru/lavrinenko_philosophy/ch43_all.html.

⁴ Серебряков Ф. Ф., Гаврилов В. Н. Человеческое как мера социального // Социальное: содержание, смысл и поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы Международной научно-практической конференции. Казань.: Изд-во Каз. ун-та, 2011. С. 389.

продуцированию человека, созидającego свою жизнь, и позволят им вернуть «подлинную социальность»⁵.

Мы, вслед за Н. А. Терещенко, будем понимать социальное как отношение к общественному отношению, помня о том, что общество есть ансамбль общественных отношений. «Отношение к общественному отношению ... становится возможным только в конкретно-исторической форме осознания и говорения»⁶.

В самом общем виде все рассуждения о взаимоотношениях человеческого и социального можно свести к трем позициям⁷:

1. поглощение человека социальным – об этом пишут М. Фуко и Ж. Бодрийяр. М. Фуко вводится понятие нормы, чтобы контролировать поведение людей, все не-норм-альные не просто исключались из социального (общества), а, наоборот, благодаря своей изоляции включались в него. Их поведение корректировалось, приводилось в «норму» в отдельных, закрытых заведениях, нахождение в которых позиционировалось как «способ возвращения в общество». Получается, что пребывание в таком заведении позволяло человеку включиться в общество, из которого он формально был исключен. С ним согласен Ж. Бодрийяр, называющий такую норму дискриминацией, экс-коммуникацией, вынуждающей «недочеловеков бороться против своего скотского положения». В таком случае, любая социальная борьба есть борьба за право называться человеком, право снять метку и быть одним из многих. Такое понимание может быть применимо и к противопоставлению эллина и варвара (того, кто не говорит на греческом языке) или обоснованию восстания рабов под началом Спартака.

2. поглощение социального человеком У. Бек называет «приватизацией социального», З. Бауман – «колонизацией общественного частным». Бауман обращает внимание на нежелание общественного завоевывать частное, наоборот, частное вытесняет из общественного все, что не может быть преобразовано в личный интерес. Долгая борьба за индивидуальность привела к тому, что в современном мире все меньше «постоянного» - отношений, работы, перспектив, современный человек поглощен мимолетностью, «невыносимой легкостью бытия». Общественное пространство играет роль театра, звездой которого является частный интерес. Современное общество дает человеку возможность быть наедине с собой, сосредоточиться на своих интересах, своей индивидуальности, но

⁵ Там же, с. 392.

⁶ Терещенко Н. А. Социальная философия после «смерти социального». Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2011. С. 173, 185.

⁷ Сайкина Г. К. Трудно быть человеком... (метафизические маршруты человека). Казань: Каз. ун-та, 2012. С. 336-358.

происходит обратное. Человек такого общества хочет знать, что у него такие же проблемы, что и у всех, он совершает те же ошибки, делает те же успехи. О себе человек хочет говорить, рассказывать публично, ему необходимо участие других. Сравним засилье на экранах телевизоров программ, рассказывающих о личных проблемах, популярность интернет-ресурсов «Живой журнал», Twitter и других. Власть перемещается из залов заседаний политических институтов на экраны телевизора или в интернет-пространство.

3. общество без социального – о его существовании говорят С. Жижек, Э. Лаклау и Ш. Муфф. Они понимают общество как нечто случайное, необязательное. Существование общества предполагает наличие прочных социальных связей, а общество без социального – это общество «касания» (Э. Канетти), нет смысла в прочных отношениях, связи носят случайный кратковременный характер. По нашему мнению, это происходит оттого, что длительные отношения требуют внутренней работы, духовной развитости, а краткие связи строятся на мимолетных интересах. И дело не том, что современный мир так быстро развивается, дело в том, что пустота и опустошенность, «заброшенность в мир», «одинокость в толпе», чувство «внутреннего ничто» и т. п. всё более и более определяет содержание «внутреннего мира» современного «среднего» человека. Например, социальные сети, дающие возможность общаться со всеми, кто тебе интересен, но это приводит к тому, что фактически каждый пользователь «дружит» как минимум с сотней людей. Представить себе человека, в реальности общающегося хотя бы с пятидесятью, очень сложно, не только из-за гигантских объемов общения, но и из-за тех духовных затрат, которых требует общение. Качество такой «дружбы» оставляет желать лучшего.

Предметом нашего интереса стало социальное бытие – закономерно-всеобщий процесс развития человечества, чье развитие зависит в равной степени от взаимодействия человека с другими, и от его собственной, индивидуальной деятельности. С нашей точки зрения, именно социальное бытие является той границей, которая отделяет человека от его биологии и наиболее полно отражает его истинно человеческие (ницшеанское «слишком человеческое») качества. Человек существует в социальном пространстве посредством своей деятельности, качество реализации которой может сказать о «качестве» социального. Человеческое может стать мерой социального в том смысле, что последнее либо способствует полноте человеческого бытия, тому, чтобы человек мог осуществиться как человек, то есть всесторонне, универсально, будучи направляемо (и следовательно, ограничиваемо) развитием, имеющим человека в кантовском понимании «как цель, а не как

средство», либо - нет, и следовательно, как социальное оно осуществляется за счёт человека. Уточним, что здесь речь идёт об условиях, в которые человек поставлен «по принуждению», поскольку он застаёт определённые условия своего развития. Таким образом, понятия социальное бытие и человеческое не тождественны. И если социальное бытие рассматривать как «скорлупу» человека, человеческого⁸, как естественную среду человека, в которой человек (человеческое) формируется и только и возможен, то следует сказать, что мы можем говорить о подлинном социальном и неподлинном социальном, критерием различения которых или, что тоже самое, мерой подлинности социального будет человеческое, в вышеотмеченном смысле.

Поэтому здесь мы тем самым не только обосновываем, что общественное и социальное не тождественны, как было сказано ранее, но и то, что социальное, понимаемое как подлинно социальное, то есть такое, мерой которого является человеческое, такое, в котором была бы реализована действительность человека (и сама она тем самым представляла бы энтелехию человеческого, природы человеческого) является лишь модусом общественного, то есть тем, что может быть, но может и не быть, может «встречаться» в истории общественного, а может и нет.

Поскольку утопия, порождённая тоской по социальному, понимаемому как «подлинно» человеческое», есть конструирование в общественном сознании общности, в котором осуществлена действительность человека, то она в то же время есть форма подлинной социальности. Только отражённой, то есть представленной в сознании идеально.

Если исходить из того, что социальное и утопия конкретно-историчны и взаимосвязаны (коррелируют), то необходимо говорить о понимании утопии через понимание социального. Какое социальное, такая будет создана и утопия. В пределе мы можем говорить о парадигме социальной утопии как таковой, а значит обнаружить и «парадигму социального». Парадигму мы будем понимать в ее первоначальном, греческом значении, как некий образец или модель, используемый как основа для создания других явлений того же порядка.

Глава 2 «Обесчеловечивание» социального бытия как тенденция реального исторического процесса в контексте воспроизводства утопического сознания» посвящена рассмотрению и обоснованию влияния

⁸ Это условное сравнение, несколько отдающее механистичностью и лучше было бы, видимо, проводя аналогию с аристотелевским подходом, социальное уподобить форме дерева, а человеческое – материи дерева. Но как их разделить? Как можно представить форму дерева без самого дерева, а, говоря о материи дерева, как не представлять её в форме дерева?

исторического процесса на социальное бытие, влияние, само собой разумеется, неоднозначное и противоречивое. Что предполагает, что исходим из нетождественности социального и человеческого, социального и исторического.

Пытаясь сделать хоть какие-то выводы из «истории человека», нужно учитывать оба вектора взаимосвязанного движения: влияние человека на ход исторического процесса и влияние истории на человека, в противном случае получится перекокс. И тогда верное понимание уже будет невозможно, так как, если считать человека исключительно создателем, то он превратится в гиперавтономное существо, живущее вне общественных и исторических закономерностей и связей. Если понимать человека только как творение – он станет игрушкой в руках истории или так называемой Судьбы. Главный фактор, заставляющий человека начать что-либо делать, это потребность. Энгельс говорит что, новая техническая потребность двигает науку сильнее, чем десяток университетов (Письмо В. Боргиусу от 25 января 1894 года⁹). Но в одном отношении, и как раз в том, которое нас здесь интересует, исторический процесс, как он складывался столетиями добуржуазного, а затем особенно капиталистического развития, обнаруживает себя в целом как процесс, разлагающий и извращающий социальное бытие человека, при этом под человеком мы имеем в виду родового человека, а человеческое рассматриваем как меру социального.

Как говорилось ранее, о социальности можно говорить только как о конкретно-исторической реальности, и, соответственно, утопия каждый раз будет «своя» для данной социальности.

В античности единство человека и общества нашло свое отражение в идеях Платона и Аристотеля. Платон создал цельную философскую систему¹⁰, все элементы которой переплетаются между собой, и потому его учение об идеальном государстве основывается на учении о душе: превосходство вожделеющей части души отличает земледельца, превосходство страстной – воина, разумной – мудреца. Иерархия в государстве определяется, таким образом, самой природой, а сравнение его с человеком, у которого «страдания или здоровье зависят от состояния его частей»¹¹ объясняет строгое подчинение и единодушие. Аристотель определяет человека через «политическое чувство», которым обладают греки, что говорит о прочности и важности связи человек-общество. Оба

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое, в 50 т. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 174-177.

¹⁰ Это хотя и не вся правда о «философской системе Платона», не является и её фальсификацией.

¹¹ Платон Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. 3 т. С. 240.

мыслителя подчеркивают важность соразмерности этих двух понятий – человека и общества. Об этом подробно мы говорили ранее, в первой главе.

В средние века связь человека с общиной и внутри общины, а также между индивидами на разных иных уровнях средневекового социума, продолжала быть очень прочной, и тому было много объяснений экономического, социального, политического, идеологического характера. Что же касается социальной роли индивида в таком обществе, то в целом справедливо, что она мало менялась – «каждый оставайся в том звании, в котором призван». Формирующиеся общественные связи капиталистического характера постепенно приводили к ослаблению зависимости человека от природы (точнее: «природной среды») в том виде и в той степени, в которых о ней можно было говорить прежде, в докапиталистическую эпоху. Соответственно, иной характер приобретала и связь человека теперь уже с «общественной средой», с «общиной», связь человека с человеком.

Марк Блок определяет рамки возникновения капитализма от двенадцатого до девятнадцатого веков, потому точной даты назвать нельзя. С этого момента (появления капитализма) меняется все: убыстряется темп жизни, меняется отношение ко времени (в Англии XVI-XVII вв. появляются слова, обозначающие время, например, «столетие», «эпоха»), появляется идея становления человека как результата его собственных усилий. Если раньше человек мог реализоваться только одним способом (как монах, ремесленник или пахарь), то теперь каждый человек обретает бесконечное количество таких возможных реализаций. Социальные связи становятся условием успеха, необходимым элементом достижения целей, т.е. налаживание связей было необходимо и одновременно чужеродно человеку. Само это «налаживание» означает неестественность, неискренность отношений, которые становятся чем-то внешним, поскольку носят принудительный характер. Но в современном мире «налаживание» становится одним из правил ведения успешного бизнеса, а неестественность отношений отступает под напором личной выгоды, приобретаемой в подобном общении. Если в средние века социальная роль была неотделима от человека, то в эпоху капитализма, чтобы понять, кто ты есть, нужно было отбросить все свои социальные роли¹². Новый класс – буржуазия разорвал все существовавшие в обществе связи, заменив их на одну новую, крепкую связь – связь «чистогана» как называет ее Маркс, превратившую «личное достоинство человека в меновую стоимость». Давно существовавшая эксплуатация перестает замалчиваться, о ней теперь говорят открыто и не

¹² Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.

стесняясь¹³. Одновременно «теряют» достоинство все виды деятельности, все профессии – все низводятся до простых наемных работников, а желание реализовать товар уничтожает понятие о морали – ради выгоды буржуа готовы проникнуть в любую, даже самую интимную сферу человеческой жизни.

Труд становится все более неприятным для рабочего, тогда как его заработная плата снижается. Так на авансцену выходит отчуждение как характеристика существования человека в капиталистическом мире.

Противоречивость взаимоотношений исторического процесса и человека можно свести к следующим пунктам, которые предлагает А. М. Ковалев (в своей «Диалектике способа производства общественной жизни»):

- человек испытывает необходимость в «определенной порции труда» - эксплуатационная форма труда;
- общество как целое стремится к единству – частная собственность (продукт общества) создает различные социальные институты, разобщающие целое;
- все люди равны между собой в естественных предпосылках – реально существующее разделение на классы;
- стремление общества к гармонии – отсутствие планомерного развития общества, причиной чего существование частной собственности;
- осознанное управление социальными процессами – стихийность развития общества.

В итоге получается, что «благими намерениями вымощена дорога в ад», все достижения человечества представляют собой ленту Мебиуса. С одной стороны, жить стало легче, интереснее, комфортнее, возможности человека расширяются с каждым днем, с другой – все эти достижения только и делают, что разобщают людей. Реализованные желания вызывают тоску и ностальгию, в хайдеггеровском понимании, «тягу повсюду быть дома». Напичкав свое существование, наполнив свой мир разнообразными девайсами, человек утратил свою собственную действительность, потерял самого себя и, чтобы не превратиться в чемодан для хранения техники, нужно непременно вернуть человеческую действительность самому человеку, его социальному бытию.

Глава 3 «Утопия как критика и преодоление "нечеловечности" наличного социального бытия» посвящена вычленению точки пересечения

---

¹³ Та же ситуация наблюдается и в философии, например. Давая общую характеристику философии неклассической, многие обращают внимание на то, что теперь философы говорят о том, что ранее было не принято выносить на всеобщее обозрение. Вершиной этого становится творчество де Сада и Захера-Мазоха.

утопии и человеческого, а также всех трех понятий (социального, человеческого, утопии). Главной же задачей станет доказательство новой роли утопии как формы возвращения бытию его человечности.

Вся предшествующая философия при рассмотрении вопроса о сущности человека давала «гарантию человеческого сбывания»¹⁴, то есть уверенность в обретении человеком его сущности, его действительности независимо от того, осознает человек это или нет. Она (сущность) проявит себя, просто не может быть иначе¹⁵.

Человек всегда искал пути, если так можно выразиться, к раскрытию собственной природы; можно сказать, что вся противоречивая история человека есть путь к его сущности. Одна из самых грандиозных, глубоких и «естественных» попыток такого рода – религия, значение которой как в исторических судьбах всего человечества и всей буквально предшествующей и современной истории человечества, так и в жизни отдельного человека трудно переоценить: скорее всего это самый существенный из всех известных факторов формовки человека, а точнее даже не просто фактор, а временами (например, в Средневековье, если говорить о макроуровне) целое историческое пространство, внутри которого эта формовка и происходит.

Сущность человека постулировалась как неотъемлемая его часть, во многом проявляющаяся сама по себе, независимо. Существует понятие «человеческая действительность», определяемая как общественный опыт, полученный трудом и творчеством многих поколений людей¹⁶. Для ее обретения человеку нужно было предпринять лишь некоторые усилия. Современная ситуация принципиально иная. С точки зрения таких авторов как М. Фуко, Ж. Бордийяр, реализовывать сущность просто некому, т.е. отсутствует сам человек как субъект и объект действия. Поэтому мы предлагаем ввести концепт «действительность человека», понимаемый нами как осуществлённость, энтелехию (переход из возможности в действительность, осуществлённость формы) человека, полная воплощённость человеческого, его раскрытость до осуществления человеческой природы, подлинно человеческий характер. Это позволит связать воедино три важных для нас понятия: человеческое, социальное и утопию.

¹⁴ Сайкина Г.К. Трудно быть человеком... (метафизические маршруты человека). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2012. С. 8.

¹⁵ В XX веке появилось множество самых разнообразных концепций человека. Об этом подробнее см.: Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 25.

¹⁶ URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/4/4elove4eska8-deystvitel5nost5.html.

Всю историю человека сопровождает чувство недовольства, неудовлетворенности наличным положением вещей, наличным бытием, своим положением, которое, на самом деле, не соответствует его человеческой природе, его действительности как человека.

Чувство недовольства двигало человека по пути прогресса, заставляло его развиваться, а человечество стремится к лучшей жизни: мирной, спокойной и благополучной. Именно заставляло, т.к. это всегда принуждение, необходимость, необратимость движения вперед – такова судьба человека, будь то желание всеобщего мира или всевозрастающие потребности, принуждающие создавать средства их удовлетворения, всё более угождать самым мельчайшим желаниям. Данная проблема не входит в сферу наших интересов, мы исходим из факта существования такого человека, его бытия. Здесь отметим лишь, что этот аспект является аргументом, обосновывающим актуальность нашего исследования, поскольку человеческая сущность есть постоянное обретение самого себя. Человек ничем не гарантирован, только своим собственным усилием. Утопия устремлена в будущее, но конструироваться она может только из наличного. Тогда получается, что утопия базируется на прошлом, смотря в будущее, но действительность человека желание ее обрести не ограничивается только желанием вернуть прошлое.

А. Ф. Лосев называет утопию понятием «общепринятым» - при переводе на все языки мира оно не меняет при этом своего смысла. Дать определение этому понятию может каждый человек. Но если ты ставишь перед собой цель разобраться, копнуть глубже, прояснить детали, то открывается огромный мир Зазеркалья и ты ступаешь в лабиринт со множеством тупиков и ложных ходов.

Ч. Х. Кирвель характеризует утопию весьма нетривиально – в качестве координатора между человеком и миром, что как нельзя лучше вписывается в проблематику нашей работы. Посредническая роль утопии позволяет ей свободно проникать внутрь обоих миров (социального и личностного) и синтезировать внутри себя новое знание. Она «говорит» на двух языках, имеет двойную природу и стремится преодолеть противоречия между мирами, которые возникли в процессе исторического развития. М. Шугуров характеризует утопию как «прерванное понимание», фиксируя тем самым ее герменевтическую природу.

Как способ познания действительности утопия метафизична (односторонность познания, неизменность и независимость вещей, отрицание внутренних противоречий как источника развития): произвольно конструирует образы идеального социального устройства; произвольно

выбирает средства и пути реализации (воплощения) этих образов; допускает случайность в осуществлении идеала; формирует статичные идеалы и модели бытия; постулирует догматизм целей; негативно относится к критике в свой адрес; постулирует ценностный подход к действительности; допускает вольное обращение с социально-историческим временем.

Приведённые выше черты позволяют нам сказать, что утопия - превращенная форма сознания. Обращаясь в этому понятию мы используем его в нетривиальной трактовке. Мы предлагаем использовать метафору полного метаморфоза, каким мы его видим в природе (гусеница-куколка-бабочка). В природе основным смыслом является само преобразование, превращение из одной формы в другую, а для человека важным будет выступать память о прошлых формах (этапах метаморфоза). В этом случае превращенная форма имеет положительный оттенок – она необходимый элемент развития. Возможно, здесь будет уместно уподобление гегелевской триаде тезис-антитезис-синтез, где антитезис и синтез будут первой и второй формой превращения, что соответствует нашему пониманию превращенной формы. В нашем случае это будет выглядеть так: существующее социальное бытие – утопия – новое, обновленное социальное бытие.

Образ куколки – место скрытое, без точного адреса и положения, - утопия, где преобразуется, перерабатывается одно бытие в другое, но это не совершенно новое что-то, а переработанное старое и почва для чего-то нового. Тогда можно назвать утопию и превращенной формой, но только в понимании ее как метаморфоза, одной из ступеней развития, промежуточного этапа.

В **заключении** диссертационного исследования подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшей разработки данной проблематики.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикация в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Смирнова Ю. Д. Утопия, утопизм, утопическое сознание - основные смыслы / Ю. Д. Смирнова // Ученые записки Казанского университета. - Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2011. - т. 153, кн. 1, сер. Гуманит. науки. - с. 141-148.

2. Смирнова Ю. Д. Утопия как форма осуществления действительности человека / Ю. Д. Смирнова // Ученые записки Казанского университета. - Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2012. - т. 154, кн. 1, сер. Гуманит. науки. - с. 166-172.

3. Смирнова Ю. Д. Античная утопия как парадигма социальной утопии / Ю. Д. Смирнова // Ученые записки Казанского университета. -

Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2014. - т. 155, кн. 1, сер. Гуманит. науки. - с. 147-155.

Публикации в других изданиях:

1. Смирнова Ю. Д. Утопия как прорыв в другое социальное / Ю. Д. Смирнова // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы Международной научно-практической конференции, науч. ред. А. Б. Лебедев. - Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2011. – с. 157-164.

2. Смирнова Ю.Д. Утопия как способ расшифровки истории / Ю. Д. Смирнова // Садыковские чтения (К 80-летию со дня рождения профессора М.Б. Садыкова): История. Общество. Человек: материалы межвузовской научно-практической конференции, 2 ноября 2012, науч. ред. Ф. Ф. Серебряков. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2012. – с. 118-122.

3. Смирнова Ю. Д. Будущее на утопией – или его не будет вообще / Ю. Д. Смирнова // Гуманизм и современность: материалы Межвузовской научно-образовательной конференции (8-9 ноября 2013), науч. ред. Т. М. Шатуновой. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2013. – с. 382-386.